
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ДИСКРЕТНОСТЬ, ПОСТТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

А.К. Мамедов, О.И. Якушина

Кафедра социологии коммуникативных систем
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-33, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена сложной социальной проблеме — идентичности в условиях «нового индивидуализма». Глобальные трансформации в характере взаимодействия глубоко вписаны в чувство собственного «Я», требуя от индивида значительного уровня реорганизации собственной жизни. Реалии постмодерна коренным образом изменили устоявшие концепции идентичности. Индивид стал обладать более широким выбором возможностей определения своей идентичности. В соответствии с текучей, быстродвижущейся, гибкой окружающей реальностью невозможно придерживаться взгляда, что фиксируема неизменная сущность и постоянство идентичности. Идентичности никогда не являются едиными, и в современности возрастает их фрагментированность и хрупкость. Они не происходят из единого источника, а многообразно конструируются из различных пересекающихся и подчас противоположных дискурсов, практик и позиций. В XXI в. постоянное желание обновления себя поневоле становится основополагающим трендом современной жизни. В отсутствие устойчивого взгляда на мир идентичность должна быть высоко адаптивной. Незыблемое ранее стало короткоживущим, временным; а образцы, нормы, модели продолжают меняться или полностью ускользают от индивидов. Происходит «вечный» процесс собственного переоткрытия в «мерцающей реальности» нового бытия.

Ключевые слова: идентичность; концепции идентичности; индивидуализм; постмодерн; индивид; потребление; консюмеризм; посттрадиционализм.

Человек нуждается в матрице, в которой можно (и нужно) определить и фреймировать свое «Я» на чем-то устойчивом, что придает чувство безопасности и порядка в социуме. Нужны экзистенциальные основания природы, окружающего мира, себя как элемента общества, социальных институтов, которые определяют нормы, критерии, ценностные ориентиры идентичности.

Э. Эрикссон, заложивший основы теории идентичности, постулировал, что идентичность конструируется на протяжении всей жизни и имманентно включает три составляющие: биологическую, личностную и социальную [17]. Системная трансформация социума, революция в информационной сфере, глобализация экономического пространства, технико-технологические изменения в быту, существенно облегчающие жизнь человека и открывающие невиданный ранее доступ к информации и общению без личного присутствия и, как следствие, ослабление личных связей, дефицит непосредственных контактов между людьми, подменные виртуальной (спорной в онтологическом плане) средой, оказали неоднозначное влияние на определение идентичности и его модусов. Происходит глубокое изменение в восприятии жизни, прежде всего трансформация значения времени, работы и ее смысла — от ясной и фиксированной долгосрочной определенности к более скоротечным быстрым переменам, что сопровождается динамизм техноло-

гических инноваций. Часть прежних традиционных «твердых» норм и ориентиров, ценностей потеряла свое значение и сменилась «мерцающей реальностью бытия», некоей ризомой [9].

Исследователи сходятся во мнении, что идентичность — это многоуровневая и изменчивая система, совокупность частей «Я» индивида, состоящая из различных значений (символов), которые индивиды придают тем многочисленным ролям, которые они выполняют в современных обществах [3. С. 28].

В российской науке идентичность определяется как «представление человека о своем „Я“, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самостождественности и целостности; отождествление человеком самого себя [5]. Идентичность влияет на общество через действия, совершаемые индивидами, которые создают группы, сети, организации, институты.

В свою очередь, общество системно влияет на идентичность индивида через разделяемые в разной степени знаки, ценности, язык, которые позволяют индивиду принять роль другого, взаимодействовать с другими, осуществлять на данной основе саморефлексию.

Поскольку «Я» возникает в обществе и отражает ситуацию в нем, то социологический подход к пониманию идентичности означает, что мы должны также понять общество, в котором «самость» — искусство жить в обществе, в котором индивид всегда действует в социальном пространстве, где существуют другие индивиды со своими идентичностями. Критическое обсуждение, дискурсы об идентичности направлены на переопределение, переформулирование термина так, чтобы избежать «слабых» мест, в частности, обвинений в эссенциализме.

Современные зарубежные исследователи [3; 10] предлагают рассматривать две, по сути противоположные, трактовки идентичности: «сильную» и «слабую». «Сильные» концепты идентичности придерживаются обычного значения термина с акцентом на сохранение ее постоянства во времени и среди индивидов. Соответственно, это понятие используется для конструирования идентичности и внешнего управления ею. Но именно потому, что эти исследователи для анализа идентичности принимают как данность категории повседневного опыта и практики, ряд исходных предположений, взятых как аксиомы, становятся неоднозначными и проблемными. Например: идентичность — то, что все индивиды имеют, должны иметь или находятся в ее поиске; идентичность — то, что все группы (по крайней мере, группы определенного типа — этнические, расовые, национальные) имеют или должны иметь; идентичность — то, что индивиды (и группы) могут иметь без осознания этого; коллективная идентичность подразумевает групповую ограниченность и однородность.

Из этих постулатов следует, что есть высокая степень «групповости» идентичности, одинаковости внутри членов группы, что подразумевает наличие резкой границы между членами и не членами группы, т.е. между внутренним и внешним. «Слабые» концепты предлагают иной взгляд на идентичность, в них все больше осознается сложность повседневного ригидного (жесткого) понимания идентичности. В стремлении очистить термин от «сильных» коннотаций идентичность оказывается слишком эластичной и неспособной быть инструментом серьезных аналитических исследований [10].

По общему мнению, сейчас идентичность имеет большее значение, потому что индивид стал обладать более широким выбором возможностей определения идентичности: раньше индивидов ожидали установленные традицией идентичности, они были аскриптивными. В рамках этих локально ограниченных контекстов индивиды далее развивали свое понимание бытия в мире. Однако современное общество предлагает индивиду текучесть, подвижность и постоянный выбор. Взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим в постоянно продолжающейся работе над конструированием идентичности предполагает, что то, кто мы, что мы делаем и чем мы становимся, изменяется на протяжении всей жизни, а точка устойчивости и остановки (достижение желаемой модели идентичности) остается нереальной [21].

Незыблемое ранее стало короткоживущим, временным; образцы, нормы, модели продолжают меняться или полностью ускользают от индивидов. Очевидно, что в отсутствии сильного и устойчивого взгляда на мир на основе традиции идентичность должна быть высоко адаптивной [22]. Утверждается, что в соответствии с текучей, быстро движущейся, гибкой окружающей реальностью невозможно придерживаться взгляда о том, что фиксируема неизменная сущность и постоянство идентичности.

Идентичности никогда не являются едиными и в современности возрастает их фрагментированность и хрупкость. Они не происходят из единого и заранее определенного источника, а многообразно конструируются из различных пересекающихся (подчас противоположных) дискурсов, практик и позиций [14]. Ряд исследователей полагает, что конструктивизм просто каталогизирует процесс конструирования идентичности. Каждый становится социальным артефактом, сущностью, которая формируется, пересматривается, переделывается и мобилизуется в соответствии с господствующими культурными сценариями и центрами власти [12]. Такая позиция в недостаточной мере учитывает роль власти в процессе классификации, ошибочно предполагая многовекторность потока влияния и его агентов [11; 13].

В стремлении расширить социальную сторону вопроса социологи изучают «реальное сегодня», т.е. наглядно существующее положение на настоящий момент, обращая внимание на различные сферы и аспекты идентичности.

Обратимся к теориям, которые рассматривают новое состояние модерна. Э. Гидденс [18] подчеркивает, что в посттрадиционном порядке поздней современности доминирующей чертой конструирования идентичности является рефлексивность. В условиях «зыбкости» общество становится все более фрагментированным и рассредоточенным, индивиды сталкиваются с невероятным разнообразием выбора, где не очевидно, что индивиды должны делать и кем быть.

Поиск идентичности — это открытый, постоянно изменяющийся проект индивида. З. Бауман [1] выделяет в качестве ключевой характеристики современности ее текучесть и связывает ее с рефлексивностью идентичности. В условиях нестабильности и эфемерности окружающей действительности индивид вынужден постоянно воссоздавать свое «Я», чтобы приспособиться к ней, причем это

вынужденная мера и постоянное трансформирование идентичности требует больших затрат сил, времени и денег. У. Бек [8] развивает идеи связи между рефлексивной индивидуализацией и процессом глобализации, рефлексивности и индивидуализации, подчеркивая тенденцию индивидуализации в современном обществе, которая определяется как результат влияния глобализации и рисков.

Интересна попытка интерпретации идентичности в рамках подхода, который был предложен Э. Эллиотом и Ч. Лемертом под названием «новый индивидуализм» [16].

Согласно основному тезису «нового индивидуализма» в новом веке высокотехнологичная культура глобализации и вытекающая из этого скоротечность, быстрота открыла новую парадигму принятия решений. Новый индивидуализм подразумевает и опирается на постоянно идущую эмоциональную борьбу, имеющую целью объединить внутренний и внешний опыт, при этом процессы и структуры самоопределения постоянно исследуются, пересматриваются и преобразовываются. Особенность «нового индивидуализма» состоит в его отличии от «индивидуализма», термина, связанного с именем А. де Токвиля, который в работе «Демократия в Америке» описывает его как зрелое и спокойное чувство. Новый индивидуализм — это скорее чувство паники, вызванное скоростью умножения возможностей выбора. Именно акцент на мгновенной передаче и трансформации, прежде всего страхов и тревог, — отличает теорию нового индивидуализма от иных концепций рефлексивной индивидуализации [16].

Данная концепция включает четыре основных аспекта: неустанное переосмысление себя; бесконечное желание мгновенного изменения; увеличение динамики и ускорение процесса индивидуализации; озабоченность скоротечностью и фрагментарностью, эпизодичностью событий. Новый индивидуализм подчеркивает социальное значение процессов оформления индивидуализации, которые развиваются внутри индивида. Процессы индивидуализации и конструирования идентичности связаны с эмоциональными опытами — в фантазиях, воображении, оказывающими фундаментальное влияние на взаимоотношения «Я» и общества. Суть подхода Эллиотта и Лемерта можно сформулировать следующим образом: новый индивидуализм, который формирует и формируется в окружающей социальной реальности, включает постоянно идущую эмоциональную борьбу по установлению связи внутреннего и внешнего опыта, когда процессы и структуры самоопределения постоянно исследуются, пересматриваются и преобразовываются. Упор делается на индивидуальный уровень, но это не исключает влияния институциональных сил на фоне многонационального капитализма, реструктуризации политических арен, последствий глобализации. Все большее значение приобретает то, как создаются отдельные идентичности, те культурные формы, через которые люди их символизируют, и скорость, с которой это происходит [15].

В современных условиях, когда жизнь видоизменена технологиями, глобализацией и трансформациями капитализма, это вопрос не только индивидуальности отдельного человека. Многоликая культура мегаполисов, создание корпоративных сетей, фрилансерство и краткосрочные проекты, сокращение штатной

численности организаций, электронные руководства по самопомощи, компульсивное потребление — все это порождено новой эпохой [15]. Растущий культ переосмысления всего и вся — социальных практик, управляемых и направленных на гибкость, пластичность и непрекращающиеся изменения — создает возможности и опасности на уровне как личной идентичности, так и для организационно-институциональной динамики общества в целом. Особое внимание обращается на процессы глобализации, поскольку они действуют не только по горизонтальной оси, универсализации по всему миру деятельности многонациональных капиталов и новых цифровых технологий, но также и по вертикальной оси, проникая в само «Я» современного индивида, реорганизуя его окружение.

Соблазны и влечения индивидуализма властвуют безраздельно. Везде люди отчаянно ищут самореализации и стараются свести к минимуму как можно больше межличностных препятствий на пути достижения своих личных интересов. В так называемом «сделай себя сам» обществе сейчас все — «предприниматели» своей жизни. Нет сомнений в росте индивидуализма, когда постоянная, подгоняющая озабоченность правилами гибкости приводит к тому, что индивиды должны постоянно стремиться быть более эффективными, быстрыми, компактными, изобретательными и самоактуализирующимися. И это происходит не от случая к случаю, а каждый день [16].

Адепты данной концепции считают, что следует говорить о «новом индивидуализме», потому что индивидуализм изменился в трех значимых аспектах, что вызвано возникновением нового миропорядка в результате глобализации, появлением новых информационных технологий и мультинациональным капитализмом. Во-первых, произошел слом традиций, и это невероятно расширило варианты и возможности личного выбора для многих людей. Так как современные общества стали детрадиционализированными и существовавшие ранее способы определения идентичности стали менее надежными и, по сути, перестают существовать вообще, то это не только «растворение», исчезновение старых правил и границ, регулирующих личную и общественную жизнь.

Во-вторых, такие сугубо личные миры побуждают индивидов закрывать для всех других доступ в мир их эмоциональной жизни, что ведет к отрицанию широкой реляционной связи с другими. Однако рост значимости индивидуализма в новых социальных условиях не означает действительный конец коллективных идеалов или, в более широком смысле, общественной сферы. Новый индивидуализм скорее становится основой будущих новых форм организации индивидов, групп, социальных институтов. В-третьих, глобальное сознание не приводит к глобальному мышлению. Преобразования в индивидуализме и глобализации не приводят к производству «глобализированных» идентичностей. Современные формы глобальной взаимозависимости сами по себе не предопределяют для индивидов глобальный набор общего культурного опыта, социальных ценностей или идеологии.

И все же глобализация с участием очень разных образцов транснациональных взаимодействий, потоков информации и сетей отражается прежде всего на ин-

дивидах. Глобальные трансформации в характере взаимодействия глубоко вписаны в чувство собственного индивидуализма, требуя от индивида значительного уровня психической нагрузки и реорганизации собственной жизни [16]. Отсюда следует, что социальные теории обязаны реагировать на происходящие изменения социальной жизни и стремиться понять, объяснить сложные, противоречивые пути, по которым отдельные лица формируют, воспроизводят и преобразовывают чувства собственной идентичности и индивидуализма в связи с происходящими процессами глобализации.

В XXI в. постоянное желание обновления, «переизобретения» себя поневоле становится основополагающим трендом современной жизни и часто приводит к «переломному моменту» в виде зависимостей, навязчивых идей, обсессивно-компульсивных расстройств. Сегодня это наиболее ярко проявилось в феномене потребительства, которое оказывает воздействие на индивидов, принуждает преобразовать и «улучшить» каждый аспект себя.

Новый индивидуализм акцентирует и поддерживает внимание на самостоятельности переосмысления и приводит, таким образом, к культуре «до следующего раза», непрестанной жажде мгновенного изменения [15].

Такой подход к изучению идентичности опирается на теоретическое наследие Франкфуртской школы [6], обращая внимание на доминирование общества над отдельным человеком, которое осуществляется в безличных формах системы и формулах науки. Навязывается определенная модель поведения, в частности с помощью культуриндустрии, основная цель которой состоит в контроле над индивидами, она формирует единообразие, стандартные потребности и удовлетворение их посредством стандартизированных продуктов. Создается тотальный универсум на основе принципа доминирования власти над подчиненным индивидом. Так, Ю. Хабермас [19], который начинал свою деятельность как последователь данной школы, обратил внимание на манипуляционные аспекты в рамках концепции коммуникации и публичной сферы и их влияние на идентичность современного человека. Он считает, что сам язык содержит нормы для критики господства и репрессии, а также силу, которая могла бы содействовать действительной демократизации общества.

В способности понимать речь другого, представить силу лучшего аргумента и достичь консенсуса Ю. Хабермас нашел рациональность, присущую тому, что он обозначил коммуникативным действием, которое могло бы генерировать нормы критики искажения связи в процессах господства и манипуляции, а также культивировать процесс рационального дискурсивного волеобразования. В рамках концепции публичной сферы он утверждает, что в ходе своего развития она разрушена силами, которые ее же создали, в частности, государством, капиталистической экономикой, которые привели к ограниченному доступу к публичной сфере и политическому контролю над ней для поддержания процветания капиталистических сил. При этом возник новый вид влияния, власть, которая используется в целях манипуляции.

С. Холл вопросы идентичности также связывает с манипуляцией [20]. Идентичность можно рассматривать как точку пересечения субъективных процессов,

вписанных в жизнь индивидов, и дискурсов, которые представляют, позиционируют индивидов и конструируют их в качестве субъектов.

Идентичности — это точки в дискретном прикреплении к субъектным позициям, которые строятся из дискурсивных практик. Идентичности никогда не унифицированы и становятся все более фрагментированными, но постоянно конструируются множественными различными дискурсами, и их репрезентация происходит не изнутри, но посредством внешних источников. Более того, идентичности возникают в процессе соревнования конкретных властей, следовательно, они выступают средством маркировки разницы и исключения. В качестве одной из новейших разработок данного направления можно назвать концепцию Н. Роуза [26], изучающего идентичность при построении теории общества и объяснении современных особенностей взаимозависимостей в системе «политика власти — эксперты (группы влияния) — человек». Он указывает на то, что конструирование и выбор идентичности осуществляется индивидом не совсем самостоятельно, а под воздействием экспертов — групп влияния («специально обученных экспертов человеческих душ»), тактику которых задают внешние силы, которые целенаправленно формируют идентичность. Поэтому в современных условиях она становится управляемой (манипулируемой) и просчитываемой (предсказуемой).

Вторым важным элементом формирования идентичности являются техники влияния, в частности техники психологического воздействия. Здесь активно развивается психосоциальное направление, где идентичность может выступать продуктом воздействия психологических техник, навязываемых моделей и шаблонов поведения. Третий аспект, задающий и определяющий современную идентичность — капиталистическое производство и общество потребления, когда индивиду надо без лишних вопросов работать и покупать, и такому обществу просто необходимы предсказуемые и хотя бы отчасти манипулируемые индивиды. В результате происходит «кодификация искусства существования» индивида: техники управления жизнью стремятся сделать подходящую конкретную идентичность.

Итак, Н. Роуз считает, что «Я» индивида является жизненно важным элементом системы власти, которая пронизывает современные общества. Но теперь, когда управление обществом стало требовать регулирования деятельности субъектов, это достигается не за счет роста могущества и потенциала всезнающего централизованного государства, а действиями института агентов влияния. Эта система управления сложилась путем распространения различных соответствующих техник влияния. Они выступали в качестве «реле», в результате чего, при необходимости, «включались» различные амбиции политических, научных, благотворительных и профессиональных организаций или социальных институтов. В частности, Н. Роуз обращает свое внимание на рост популярности психотерапии и способы оказания манипулятивного воздействия на идентичность.

Главной особенностью агентов, институтов и методов является отрыв их влияния от центральных держав и регулирование на уровне внутреннего мира институтов и отдельных частных лиц. Еще в 1950-е гг. Д. Рисмен отмечал, что за феноменом толпы на самом деле скрывается одиночество, за которым стоит коренное

изменение в характере индивидов, когда активная ориентация изнутри сменяется внешне-ориентированным характером индивидов XX в. Одинокая толпа — это общество ложной интеграции, ложной персонализации и вынужденной изоляции. К. Лэш рассматривает данный процесс с точки зрения концепции «минимального Я» как проявления стратегии выживания индивида посреди тех страхов бедствий и опасностей, когда он замыкается на себе и сегодняшнем дне, уклоняясь от более широкого контекста.

Интересной представляется концепция Р. Сеннетта [27]. Она основана на критическом анализе форм, которые принимает современный капитализм, и его влиянии на повседневность, при котором возникает мир непостоянной занятости, подрядных работ. Быстро развивающийся гибкий капитализм, который лишает человека четких ориентиров и оснований в жизни, ведет к коррозии чувства общности. Среди работ Р. Сеннетта особенно выделяется «Коррозия характера», в ней он приходит к выводу, что: характеру людей в современном обществе в основном угрожают новые формы занятости и труда; больше нет согласованности и преемственности между рабочим опытом, т. к. раньше люди привыкли выстраивать длительную карьеру, а теперь у них есть лишь временные рабочие места; места работы постоянно меняются, не существует непрерывности труда; дух общности, сообщества постепенно исчезает; отчуждение от собственных потребностей и идеалов увеличивается.

При этом Р. Сеннетт понимает характер человека не просто как интимную чувственную сферу, а подчеркивает его социальную природу — это этическая ценность, которую индивиды придают своим собственным желаниям и отношениям с другими. Характер фокусируется на результате наших эмоциональных переживаний в долгосрочной перспективе и на устойчивых качествах. Коррозия характера означает, что одновременно устойчивые качества и социальное участие утрачены [4]. Здесь автор ставит несколько важных вопросов: Как мы решаем, что является непреходящей ценностью, когда мы находимся в обществе, которое фокусируется лишь на ближайшем моменте? Как можно установить взаимные привязанности и обязательства, которые постоянно разбиваются на части или неустанно переизобретаются?

Сокращение пространства публичной политики возникает не просто из-за влияния сил коммодификации или бюрократизации, но доминирования понятий самореализации, чувственного удовлетворения и эгоцентризма за счет социальных связей. Р. Сеннетт продолжает разрабатывать свою концепцию в направлении поиска способов сплочения современных индивидов (проект Х. Остерлинга).

Исследователи указывали на дезориентирующие и манипулятивные последствия современности для идентичности индивида — новый мир непостоянной занятости, временных, подрядных работ реорганизует эмоциональную, внутреннюю жизнь человека: системное изменение в протяженности во времени работы и смысле труда — от ясной и фиксированной определенности в долгосрочной перспективе к скорости и скоротечности.

В связи с этим очевидно, что новые технологии изменяют социальные структуры и проникают в суть человеческого опыта, превращая эмоциональное взаимодействие людей в единицы информации.

Ж. Бодрийяр [2] описал, как потоки коммуникации, информации, изображений, идей и идеологий пронизывают все аспекты повседневной жизни. Центральное место в анализе информационного общества занимает переход от модернистского понимания реальности к постмодернистской концепции искусственной, виртуальной реальности («гиперреальность»), которая начинается с ликвидации старых основ. Моделирование среды, которая стремится представить мир, «взрывает» этот самый мир: жизнь в потоке массовой информации давит на современного человека — люди сопереживают увиденному, испытывают стрессы, ужасы борьбы, насилия и пытаются справиться с признаками реального.

По Д. Мейровицу [23], места социального взаимодействия реорганизуются, что ослабляет или даже разрывает связь между физическим и социальным местом, локализуя «Я» индивида в новых гибридных пространствах действий. Информационно-коммуникационные технологии перераспределили границы, отличающие коллективы, группы таким образом, что в настоящий социальный момент различия, разделяющие людей по возрасту, физическим возможностям, профессиональной принадлежности и т.д., могут быть менее жесткими, чем те, которые отличают компьютерно-грамотных от безграмотных.

Д. Олзайде [7] обращает внимание на новые коммуникационные форматы: новые режимы выбора, организации и представления информации, опыт использования индивидами телефонов, банкоматов, компьютеров и даже пульта телевизионного управления. Клавиатуры этих устройств открывают путь к новому взаимодействию, переносят к местам, недоступным в прошлом или будущем, сокращают дистанцию между детьми и взрослыми и выступают, по сути, типом обратной социализации.

Следует указать, что медиа-объекты являются сегодня своего рода «живыми» объектами. В последние десятилетия наметились тенденции изменения в отношениях «человек — машина», это отмечали в своих работах Б. Ривз и К. Насс [24], теперь отношения «человека—машины» отражают, «зеркалят» чисто человеческие отношения. В мире, в котором присутствуют лишь мимолетные знаки реального, транслируемые с экранов, они являются центральными блоками идентичностей, которые сами по себе становятся фрагментированными и расколотыми. В условиях, когда нет устойчивости, ничто долго не сохраняет стабильное состояние. Новая реальность оказывается одним из мерцаний дискретных событий, одно-разовых изделий, фантазий, отфильтрованной информацией. И это — тот мир, к которому следующее поколение получает доступ, причем, очевидно, с возрастающей легкостью с помощью новейших технологий и в 4G—5G формате.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- [2] Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Тула: Тульский полиграфист, 2013.
- [3] Мамедов А.К., Якушина О.И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Серия 18: «Социология и политология». 2015. № 1.

- [4] Сеннет П. Коррозия характера. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004.
- [5] Философия. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004.
- [6] Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, 1997.
- [7] Altheide D. An Ecology of Communication. Hawthorne, 2005.
- [8] Beck U. Individualization. Thousand Oaks, 2002.
- [9] Bornman E. Struggles of identity in the age of globalisation: Searching for anchors that hold // Communication: South African Journal for Communication. 2003. Vol. 29. № 1—2.
- [10] Brubaker R., Cooper A. Beyond «identity» // Theory and Society. 2000. № 29.
- [11] Calhoun C. Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference. N.Y., 1995.
- [12] Cerulo K.A. Identity construction: New issues, new directions // Annual Review of Sociology. 1997. Vol. 23. № 1.
- [13] Connell R. Gender and Power: Society, the Person, Sexual Politics. Stanford University Press, 1987.
- [14] du Gay P., Evance J., Redman P. Identity: A Reader. L., 2000.
- [15] Elliott A. The new individualist perspective: Identity // Forum. 2010. № 11.
- [16] Elliott A., Lemert C. The new individualism. L., 2006.
- [17] Erikson E. Identity and the Life Cycle. Selected Papers. N.Y., 1959.
- [18] Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford University Press, 1991.
- [19] Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Massachusetts, 1991.
- [20] Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. L., 1997.
- [21] Kehily M.J. What is identity? A sociological perspective // ESRC Seminar Series: The educational and social impact of new technologies on young people in Britain. London School of Economics, 2009.
- [22] Luckmann T. Personal Identity as a Sociological Category. Zagreb, 2006.
- [23] Meyrowitz J. No Sense of Space: The Impact of Electronic Media on Social Behavior. Oxford University, 1985.
- [24] Reeves B., Nass C. The Media Equation. Cambridge University Press, 1996.
- [25] Riesman D. The Lonely Crowd. Yale University Press, 2001.
- [26] Rose N. Governing the Soul: The Shaping of the Private Self. L., 1999.
- [27] Sennett R. The Fall of Public Man. N.Y., 1992.
- [28] Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. 2000. Vol. 63. № 4.

IN SEARCH FOR IDENTITY IN THE CONTEMPORARY SOCIETY: DISCONTINUITY, POSTTRADITIONALISM, AND INDIVIDUALISM

A.K. Mamedov, O.I. Yakushina

Sociology Chair
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1/33, Moscow, Russia, 119234

The article considers one of the most complex social problems — the formation of identity under the contemporary “new individualism”. Global transformations in the nature of social interactions are deeply inscribed in the ‘Self’, which requires significant self-restructuring of individual lives. Postmodern realities

have radically changed the established concepts of identity for individuals today possess a wider range of possibilities to determine one's identity than before. The contemporary reality is fluid, fast-moving and flexible, thus, it is no longer possible to believe in unchanging and stable identities — they are considered to be multiple, and increasingly fragile and fragmented, to come not from the single source, but to be (re)constructed from a variety of overlapping and sometimes contradictory discourses, practices and positions. In the XXI century, the constant desire to upgrade oneself inevitably becomes a fundamental trend of the contemporary life, that is why, in the situation of the recognized absence of any sustainable worldview, identity must be highly adaptive: everything that previously was immutable becomes short-living and temporary; social patterns, standards, and models continue to change or completely escape from individuals — we all witness the “eternal” process of self-discovery in the new “shimmering reality”.

Key words: identity; models of identity; individualism; postmodern; an individual; consumption; consumerism; post-traditionalism.

REFERENCES

- [1] *Bauman Z.* Tekuchaya sovremennost (The Liquid Modernity). SPb.: Piter, 2008.
- [2] *Baudrillard J.* Simukliary i simulyatsiya (Simulacra and Simulation). Tula: Poligrafist, 2013.
- [3] *Mamedov A.K., Yakushina O.I.* Teoreticheskie podhody k ponimaniyu identichnosti v sovremennoj sociologicheskoj nauke [Theoretical approaches to the interpretation of identity in the contemporary social science] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: «Sociologija i politologija». 2015. № 1.
- [4] *Sennett R.* Korroziya kharaktera [The Corrosion of Character]. Novosibirsk: FSPI «Trends», 2004.
- [5] *Filosofija. Enciklopedicheskij slovar'* [Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. M.: Gardariki, 2004.
- [6] *Horkheimer M., Adorno T.* Dialektika prosveshhenija. Filosofskie fragmenty [Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments]. M., SPb.: Medium, 1997.